

Глава 1

Я никогда не был парнем Анны. Я для неё больше чем парень. И даже больше чем друг детства, почти брат, точно знаю. Мы соседи, я живу в квартире 103, а Анна — в 104-й. А познакомились, когда родители Анны переехали к нам в Питер из Ростова-на-Дону и взяли в ипотеку эту 104-ю квартиру. Нам было по два года. Полубессознательный возраст, в котором весь мир — дом и детская площадка во дворе. Потом оказались в одной группе детского сада. На летних каникулах тоже были вместе — то на даче у меня, то на даче Анны, даже на море летали вместе. В общем, дружили семьями. Я, кажется, всегда знал, что Анну удочерили, и она всегда

знала, но никакого значения это не имело. Ну, бывает. Анне тогда было десять месяцев, и она ничего не помнит, конечно. От неё никогда ничего не скрывали. А смысл?

Всё равно рано или поздно узнала бы.

О том, что она цыганка, Анна стала впервые задумываться, кажется, во втором классе. Да, в школу мы тоже пошли вместе, в один класс. То есть Анна с детства знала, что она цыганка, но лет до восьми это её совершенно не интересовало. Несмотря на то, что мы довольно часто ездили то в цыганский театр, то на какие-то концерты, где пели и плясали тётки в узорных пёстрых юбках и дядьки в алых рубахах и бархатных жилетах. Несмотря на то, что в первом классе Анну отправили заниматься фламенко (не знаю, где логика, вроде это не цыганский, а испанский танец). А в начальной школе Анна вдруг заморочилась и прошла все пять стадий модели Кюблер-Росс (про стадии она сама вычитала где-то на сайте популярной психологии). Я тоже погуллил. Вообще, это пять стадий принятия горя или смертель-

ной болезни. Но Анна по этим стадиям пыталась осмыслить себя цыганкой.

Тоже мне горе!

1. Отрицание. 2. Гнев. 3. Торг. 4. Депрессия. 5. Принятие.

У нас самый обычный класс обычной питерской школы. Как говорит моя бабушка, «Советский Союз в миниатюре», в том плане, что далеко не все у нас русские. Да вон даже я наполовину татарин! И меня зовут татарским именем Рамиль, хотя фамилия самая русская — Калининков. Почему-то никто никогда ни до кого не докапывался, кроме Анны. Недоброжелатели у неё водились долго, хотя было их мало. Один говорил, что все цыгане — бомжи и воруют, другой — что все цыгане некультурные и тупые, третий — что все цыгане — наркоманы и крадут детей в торговых центрах. Да, их было только трое, но эти трое, как капля дёгтя в бочке мёда, портили всё. А, ну ещё кое-кто из старшеклассников называл Анну коричневой. За смуглую кожу. «Эй, коричневая, ты руки моешь? А задницу?»

Странно: на два класса младше учится девчонка-мулатка, а на класс старше — Игнат, парень-индиец, они оба ещё темнее Анны, но никто их не трогает. Про индийца вообще забавно: на самом деле индиец только его отец и то наполовину. Как говорит моя бабушка, «из детей Олимпиады-80». Но Игнат всё равно по виду индиец. И всем плевать.

В общем, доставали только Анну. А потом она ещё и в соцсетях прочитала пост своей мамы про то, как они с отцом приехали в опеку, увидев анкету Анны на сайте для приёмных родителей, и попросили выдать направление на ребёнка.

— Вы вообще понимаете, что она цыганка? — спросила сотрудница опеки. — Вам это надо? Я даже не сразу вспомнила, где её личное дело у нас лежит, мы эту девочку и не предлагаем никому. Вы же русские, вы не цыгане, зачем вам это? Или у вас в роду были цыгане? У нас есть пара детей славянской внешности, хотите посмотреть? Но это зачем? Цыганка же, гены!

— А вы, интересно, кто? — спросил будущий отец Анны. — Фюрер? А жалобу на вас давно не писали?

Сотрудница опеки начала ругаться: почему это её сразу оскорблять начали, да ещё и угрожают, но документы нашла шустро. И направление сразу выписала. Но напоследок сказала:

— Лучше б своих рожали. А не можете — есть же суррогатные матери. А вам всё за бесплатно подавай. За бесплатно хороших детей не бывает. Намучаетесь — узнаете.

— А нам не надо хороших, нам надо просто ребёнка. Любого.

Под постом френды и случайные читатели настроили три тысячи возмущённых комментариев. Вроде Анна должна была убедиться в том, что на одну чокнутую тётку приходится как минимум три тысячи адекватов. Но нет.

Зачем вообще её мама это написала?

Анна переживала. Думала о пересадке кожи. Ненавидела цыган. Ненавидела себя. Молчала. Потом в школу пришёл Сергей, её отец.

Не знаю, что он там делал и как разобрался, но все вдруг заткнулись. А тот экземпляр, который говорил про коричневую, вообще куда-то пропал. Вроде в колледж ушёл. Сергей не какой-то там киллер (мы с Анной с детства зовём родителей друг друга просто по имени и на «ты»), а промышленный альпинист. По профессии он вроде банкир, но бросил это дело как скуку смертную, хотя вот Саша, мама Анны, до сих пор работает оператором в «КПД-банке». Что такое «КПД», не знаю. Точно не коэффициент полезного действия. Сергей своим альпинизмом пытается заразить нас всех, мы с Анной даже ходили пару раз на скалодром, но быстро выяснилось, что оба жутко боимся высоты. Зато летних походов в горы не избежишь никак. Школа выживания, а не отдых. Уж лучше лагерь на море или дача.

А у меня отец — машинист в метро, а мама — массажистка. (Кстати, мою маму тоже можно звать Сашей, хотя она не Александра, а Саня.) Эти маминьки массажи доканивают всех, потому что по субботам она

принимает клиентов на дому и у нас проходной двор. Этот её массажный стол занимает всю родительскую комнату. В основном приходят мамы с орущими грудными детьми, и в квартире пахнет какими-то смесями, кремами и памперсами. К вечеру набирается целый мусорный мешок этих памперсов, и его приходится тащить на уличную помойку, потому что спускать памперсы в мусоропровод категорически запрещено консьержкой. Типа мы всю парадную провоняем.

При этом консьержкины коты гораздо зловоннее: она за ними редко меняет лоток.

Но я отвлекся. Анна прошла пять кругов чистилища (всё же не ада) и вдруг увлеклась в четвёртом классе цыганскими сказками и всяким аутентичным фольклором. Вначале просто гуглила, потом ей книжек накупили. Наступила фаза принятия.

Где-то Анна вычитала цыганскую легенду о райском саде, куда Бог однажды позвал погулять дочерей Евы. Типа родилось их много и от каждой пошёл какой-то народ.

Гуляли дочери Евы по саду и проголодались. И съела одна яблоко и стала белой, и от неё пошли русские, а другая дочь съела абрикос, и пошли от неё румяные болгары, третья сорвала горох, от неё родились татары, четвёртая — грушу, и от неё родились евреи, потому у них и носы крупные, как груши. А ещё одна дочь съела чернослив и стала смуглой, и родились от неё цыгане.

Я пытался выяснить насчёт гороха и даже спрашивал маму, какая связь между татарами и горохом, но мама смысл тоже не уловила.

Ещё одна версия насчёт происхождения цыган — про птиц. Будто давным-давно были цыгане не людьми, а птицами, летали по всему миру, пока не осели в одной щедрой южной стране. Типа еды и питья было так много, что отяжелевшие птицы не смогли подняться с земли. Ну и постепенно превратились в людей. Их по-прежнему тянуло в небо, о котором они забыли, потому и не могли цыгане найти покоя, так и остались кочевать по земле.

Вообще, даже такой мультфильм есть. Там, правда, всё сложнее, чем в оригинальной истории.

Анне понравилась версия с черносливом. Потом она завела скетчбук и рисовала в нём сказочных существ с кратким описанием. Я тоже иногда помогал. Народные сказки я сам люблю, если без литературной обработки, жуткие и недетские. У любого народа они в оригинале жуткие, не только у цыган. Даже в мультсериале «Гора самоцветов» попадаетея треш. Я это в детском саду смотрел, на некоторых сериях чуть не помер. Русские или вот татарские сказки не веселее порой. Про немецкие вообще молчу. Кто читал братьев Гримм не в пересказе для малышей, а в подлиннике?

Анна угомонилась окончательно к началу шестого класса, в прошлом году. Всё, что я расскажу дальше, случилось с ней в седьмом.

Во всей этой истории не обойтись без пояснений насчёт цыганского фольклора, поэтому иногда придётся отвлекаться

от основных событий. Я вот хотел вначале просто книгу про Анну написать, а потом подумал, что будет непонятно, сделал приложение, скопипастил из сборника «Цыганские легенды, сказки и песни». (Сам так красиво не расскажу, как там написано.) Потом загрузил это всё на платформу селф-публишинга, глянул, как смотрится книга, и понял, что никто не будет читать огромные приложения с легендами. Поэтому я распишал легенды по тексту и выделил курсивом. Зачем я вообще написал книгу про Анну? Ну это типа сюрприз ей на ДР, к пятнадцатилетию. Почти юбилей.

Закажу печать по требованию и подарю.

Глава 2

Год назад, в феврале 2021-го, Анне исполнилось четырнадцать. На свой ДР она вдруг решила проколоть уши. Вообще, они у неё были проколоты когда-то в глубоком детстве, но потом она пару раз выдирала серёжки из ушей, однажды даже ухо порвала, и больше ей серьги не надевали. Да ей вообще запретили их носить! Анна ещё полгода назад (нет, побольше) начала фоткаться на паспорт и объездила половину города в поисках нормального фотографа. Начала она летом 2020-го, как только нас всех выпустили после самоизоляции и открылись фотосалоны и студии. Ей ни одна фотка не нравилась. В итоге перед Новым годом

она с горя пошла в МФЦ и там в кабинке её наконец-то автоматически сфоткало так, как она хотела. «Автомат умнее фотоаппарата», — сказала она. А ещё заметила, что у неё на фотке серьги в ушах.

— Да какие серьги? — внушал я ей. — Это с принтером ерунда какая-то или на объектив что-то налипло, поэтому кажется, что серьги.

— А как бы оно так налипло? — спорила Анна. — Сразу на оба уха налипло? Видишь, тут типа колечки. У меня дома такие же есть, золотые, которые с детдома ещё.

За день до своего ДР Анна потащилась прокалывать уши. В ближайшем салоне красоты. Хотя полгода не выбирала. Ей сказали месяц не снимать вот эти камушки-гвоздики, которыми прокалывают из пистолета. Но Анна вредная, она проносила гвозди только один день, а потом пришла после праздника домой, достала золотые кольца и минут сорок пыталась их вдеть в опухшие кровавые уши.

Надела, конечно.

Вообще-то, в дом ребёнка обычно попадают без наследства и совсем без всего. Поэтому странно немного, что Анна там оказалась с серьгами и вдобавок с золотым монистом в три ряда (его, кстати, проверяли — реально золото!). В личном деле было написано, что родители Анны бродяжничали и жили в Ростове-на-Дону в аварийном доме, который давно расселили и готовили на снос. И оба умерли от турбоВИЧа*. Странно, что Анне этот турбоВИЧ не передался в наследство.

Ей было семь месяцев, когда её нашла полиция. На ней были вот эти золотые побрякушки.

Откуда они могли взяться в семье, которая живёт в расселённом доме, уже отключённом от газа, и водопровода, и электричества?

Я всегда считал, что их спёрли в ювелирном магазине. Но Анна была уверена, что

* ТурбоВИЧ — сленговый термин, означающий заболевания ВИЧ-инфекцией и туберкулезом одновременно. *Прим. ред.*

в ювелирном такое невозможно спереть, потому что видно: это старинное народное украшение.

Монисто точно старинное. А серьги просто выглядели не очень новыми.

Наконец я заявил: «Значит, спёрли у антикваров. Или из ломбарда. Или даже из музея». А вообще странно, что это всё не продали и не проели. И полицейские какие-то больно честные попались. Составили опись личных вещей — и в дом ребёнка передали вместе с Анной в качестве наследства.

От биородителей, помимо украшений, у Анны остался только ксерокс старого свидетельства о рождении. Там было написано, что она Николаева Ана Тагариевна. Место рождения — Ростов-на-Дону, 2007 год. Именно так — Ана, а не Анна. Это потом уже Анну усыновили, и она получила вторую «н» в имя, и стала Яшкиной Анной Сергеевной, и место рождения сменила на Санкт-Петербург.

Анна подозревала, что родители называли её Анной в честь королевы кешалий.

Как последний снег растает, как жёлтый горюцвет вспыхнет и поднимется сонтрава, выйдут из пещер горные девы, светлые дочери повелителя туманов, — кешалии. Сядут на вершинах гор и чешут золотым гребнем свои длинные белые волосы. Волосы их прозрачные, как нити тумана, как осенняя лесная паутина, её легко спутать с волосами кешалий. Из волос плетут кешалии невидимые рубашки. А рубашки надевают на новорождённых детей как благословение. Не на всех — на избранных.

На год меньше века, девяносто девять лет, живут кешалии.

И спустится по весне из чёрного замка с самой высокой вершины самой высокой горы королева их Ана: выберет тех, кому пришла пора умереть. Обречённых Ана отдаст лошолочам, уродливым волосатым лесным духам: в них превращаются те, чья душа черна, те, кто продал сердце дьяволу. Уши их свисают до плеч, руки длинные и достают до земли. И заплачет Ана, вспомнив о том, как однажды согласилась стать женой царя лошолочей:

хотела спасти своих дев. Девять демонов родились от этого брака, девять человеческих болезней. Трое из них были особенно страшны: Мелало, демон бешенства, серая птица о двух головах; восьмиголовый Порескоро, демон чумы и холеры, с птичьим туловищем и змеиным хвостом, о четырёх собачьих и четырёх кошачьих головах; красная мышь Лолмишо, демон чесотки и лепры.

Было это потомство таким страшным, что даже отец-король обмер от страха. Он покинул Ану, взяв взамен обет: отдавать на растерзание всякую кешалию, не дожившую до столетия один год.

Заперлась Ана в своём чёрном дворце и, чтобы жизнь не потерять, пьёт каждое утро три капли из левой руки трёх кешалий. Среди людей она появляется в образе большой бородавчатой жабы. Ползёт по земле — не тронь, где проползла — там золото в земле прячется. За той жабой льётся сок лииль, на который тотчас налетают демоны болезней. Жадно лижут они его с земли и обретают свежие силы.

А король лошолочей, единственный крылатый из проклятых душ, улетел в Африку и таится там до поры. Но если прилетит повидать своих подданных — горе той стране, где он остановится. Принесёт на кожих суставах крыльях войну, и мор, и голод.